

Пути Россіи

ИМПЕРІЯ.

IV.

Россійская Имперія походитъ на многія строенія Востока: одинъ куполь покрываетъ все зданіе и, изнутри, сливается со стѣнами и, какъ-будто, уходитъ въ землю. Все строеніе — единый сводъ. Такова и Россійская Имперія: царскій куполь образуетъ все государственное зданіе. Русскіе историки, въ своихъ научныхъ построеніяхъ, возстановливали государственное зданіе Россійской Имперіи по западнымъ образцамъ: клали въ основу классы и сословія, надъ ними воздвигали государственныя учрежденія и все зданіе заключали императорской властью. Но такое построеніе — только иллюзія западнаго отблеска на имперскомъ зданіи. На самомъ дѣлѣ, государственное зданіе Россійской Имперіи строилось не такъ: какъ Богъ творитъ міръ изъ себя, такъ и его земной намѣстникъ «самъ строитъ» свое царство — народъ только глина въ рукахъ строителя. Въ Россійской Имперіи классы, сословія и государственныя учрежденія — творенія царя. Собственнаго бытія они не имѣютъ. Если многимъ это казалось иначе, то только потому, что русскіе императоры два вѣка старались покрыть свои государственныя творенія формами, взятыми съ Запада и къ другому порядку вещей принадлежащими. Западныя формы предполагали и западное содержаніе. Но были зрячіе люди, которые видѣли, что это не такъ: западныя формы скрывали восточный остовъ. Это видѣли «Спасовы очи» (какъ его звали товарищи по семинаріи) самаго крупнаго государственнаго дѣятеля Имперіи въ 19 в. — Сперанскаго. Это видѣли проницательные иностранцы. «Нѣтъ страны въ мірѣ, — писалъ Сперанскій, — гдѣ слова соотвѣтствуютъ вещамъ мѣнѣ, чѣмъ въ Россіи». «Россія — страна фасадовъ». «Пользуются административными достижениями европейскихъ

государствѣ — чтобы править 60-милліоннымъ народомъ по восточному — вотъ задача, которую, со временъ Петра I, разрѣшаютъ правители Россіи» (де Кюстинъ). Въ государственномъ строеніи Россійской Имперіи государь — все.

Что такое царская власть въ государственномъ строеніи Имперіи вплоть до реформъ Александра II-го? — Начало и конецъ, основа и завершеніе всего государственнаго бытія. Государь — единый законодатель, единый судія и единый управитель. «Въ Россіи государь есть живой законъ» (Карамзинъ). «Царь — судія и подобенъ онъ Богу» (Посошковъ). «Власть управленія во всемъ ея пространствѣ принадлежитъ государю» (Основные законы). «Маестась или величество, — говоритъ «Правда воли монаршей», — единымъ токмо верховнымъ властямъ подается и значить не токмо достоинство ихъ, превысоекое и котораго, по Бозѣ, большаго нѣтъ въ мірѣ, но и власть законодательную, крайній судъ износящую, повелѣніе неотрицаемое издающую, а самую никакowymъ же законамъ не подлежащую». Потому россійскіе императоры — государи самодержавные и неограниченные. Самодержавные — ибо въ особѣ императора соединяются всѣ стихіи державнаго права, во всей полнотѣ ихъ, безъ всякаго участія и раздѣленія. Неограниченные — ибо никакая власть на землѣ, власть правильная и законная, не можетъ положить предѣловъ верховной власти россійскаго самодержца. Россійскій самодержецъ не отчуждаетъ до конца — «во всемъ пространствѣ ея» — никому ни единой доли своей власти — ни лицамъ, ни сословіямъ, ни учрежденіямъ. Всякая власть въ Россійской имперіи есть изліяніе монаршей. Монаршая власть проникаетъ въ тѣло россійскаго государства до послѣднихъ глубинъ, не встрѣчая ни тѣни сопротивленія — въ правахъ лицъ, сословіи или народа. Она безпредѣльна. Она не отвѣстна ни передъ кѣмъ на землѣ. Она отвѣчаетъ только передъ Богомъ и своей совѣстью. Ибо само ея происхожденіе — Божественное. «Верховное начало въ Россіи, — говоритъ Сперанскій, — есть государь самодержавный, соединяющій въ особѣ своей власть законодательную и исполнительную и располагающій неограниченно всѣми силами государства. Начало сіе не имѣетъ никакихъ предѣловъ». «Императоръ Всероссійскій, — говоритъ первая статья свода законовъ, — есть монархъ самодержавный

и неограниченный. Повиноваться верховной его власти не токмо за страхъ, но и за совѣсть самъ Богъ повелѣваетъ». «Его Величество, — говоритъ Прокоповичъ въ «Правдѣ воли монаршей», — есть самовластный монархъ, который никому на свѣтѣ о своихъ дѣлахъ отвѣту дать не долженъ; но силу и власть имѣетъ свои Государства и земли, яко Христіанскій Государь, по своей волѣ и благомыслию управлять». И Посошковъ въ «Книгѣ о скудости и богатствѣ»: «Нашъ царь... Самодержавный Повелитель: какъ чему повелить быть, тако и подобаетъ тому быть неизмѣнно, и нимало ни на право, ни на лѣво неподвижно». «Царь, яко Богъ, еже восхощетъ, во области своей можетъ сотворить». — Такъ какъ россійскій императоръ есть единственный источникъ всѣхъ властей въ государствѣ, и всякая власть въ Россійской Имперіи есть изліяніе монаршей, то всѣ государственныя учрежденія, установленныя для осуществленія верховной власти — законодательныя, исполнительныя и судебныя, — въ существѣ своемъ, суть только орудія монарха и собственной силы не имѣютъ. Ни одно изъ нихъ не можетъ сдѣлать никакого движенія безъ воли государя. Сенатъ и Государственный Совѣтъ, — только отдѣленія внутренняго государева кабинета. Министры — только ближніе государевы слуги, «руки вѣнценосца». Воля государя приводитъ ихъ въ движеніе. Воля государя ихъ останавливаетъ. Собственной воли они не имѣютъ. «Среднія власти», — говоритъ Наказъ императрицы Екатерины, — посредствующія между монархомъ и народомъ, суть «малые протоки, сирѣчь правительства, черезъ которыя изливается власть государева». «Ни одно изъ нихъ мѣстъ (Совѣтъ, Сенатъ, Комитетъ Министровъ) собственной политической силы не имѣетъ: всѣ они зависятъ и въ началѣ, и въ концѣ, и въ бытіи, и въ дѣйствиі отъ единой воли и мановенія силы самодержавной» (Сперанскій). — То же и мѣстныхъ государственныхъ учрежденія — выборныя и коронныя. И у нихъ нѣтъ и тѣни собственной воли. И они движутся только мановеніемъ силы государевой. Выборныя учрежденія — не самоуправляющіяся общины Запада, осуществляющія свои обрѣтенныя въ борьбѣ права и вольности. Это — очень напоминающія московскія — государевы мѣстные службы по выборамъ — дворянскія и городскія; казенныя вѣдомства на мѣстахъ, исполняющія приказы сверху. А надъ ними хозяева и опекуны губерній — губернаторы, — которые обязаны блюсти

«звѣренное каждому изъ нихъ благо полумилліона россіянъ» и которые, вмѣстѣ съ тѣмъ, являются «блюстителями неприкосновенности верховныхъ правъ самодержавія». — Какъ государственныя учрежденія, такъ и государственныя сословія — чины и состоянія. Это не живые организмы съ собственной волей и правами, которыя «опредѣлило имъ естество». Это творенія императорской власти, движимыя волей монарха. До второй половины 18-го вѣка, государственныя чины, — служилые и тяглые, — какъ въ Московскомъ царствѣ, — крѣпостные государю: они неподвижно стоятъ въ государевомъ крѣпостномъ уставѣ и по жизнь государю крѣпки. Во второй половинѣ служилые чины отдѣляются отъ тяглыхъ: получаютъ отъ государей въ даръ «вольность и свободу» и формируются ими въ корпусъ россійскаго благороднаго дворянства. Изъ тяглыхъ чиновъ выдѣляется знатное купечество, которое тоже освобождается отъ крѣпостной службы. Остальные чины остаются по прежнему крѣпкими государю — казенными и помѣщичьими рабами. Но и освобожденныя отъ службы и тягла сословія не становятся тѣмъ самымъ свободными — въ лучшемъ случаѣ, они могутъ почитаться вольноотпущенными. Купечество, по прежнему, остается однимъ изъ видовъ «разнаго званія подлыхъ людей». Дворянство, по прежнему, отличается отъ подлыхъ людей, главнымъ образомъ, своей службой государю. Государственный порядокъ требуетъ, чтобы въ Имперіи было сословіе, назначеніе котораго — служить и управлять, и другія сословія, жребій которыхъ — повиноваться. Дворянскій корпусъ и долженъ быть такимъ служилымъ и правящимъ сословіемъ. «Дворянство, — говорили дворянскіе депутаты въ Екатерининской Комиссіи, — должно быть особливимъ родомъ людей въ государствѣ, обязанность которыхъ служить ему и изъ своей среды замѣщать власти среднія, поставленныя между государемъ и народомъ». Потому, «вся слава и честь дворянства — жертвовать себя на службѣ Е. И. В.». Но, чтобы исполнять государеву службу по управленію Имперіей, дворяне должны быть отдѣлены отъ прочихъ разнаго рода и званія людей правами и преимуществами. Эти права и преимущества и поднимаютъ дворянство надъ другими сословіями на недостигаемую высоту. Но передъ императорской властью они ничтожны, — они не имѣютъ и тѣни собственной силы. Они исходятъ отъ государя, — по-

жалованы императорской властью и продолжают — и послѣ пожалованія — покоиться въ ея лонѣ. Императорская власть безгранична — ея собственныя творенія не могутъ полагать ей предѣловъ. Когда Петръ I подтверждалъ права и вольности лифляндскихъ сословій, онъ оговорилъ: «елико оныя къ нынѣшнему правительству и времени приличаются»; а также: «однакожь наше и нашихъ государствъ высочество и права предоставляя безъ предосужденія и вреда». Что было оговорено по отношенію къ лифляндскимъ сословіямъ, то еще въ большей мѣрѣ примѣнялось въ отношеніи вольноотпущенныхъ русскихъ: права и преимущества благороднаго дворянства — уже не говоря о купечествѣ — ни въ малой мѣрѣ не могли предосуждать самодержавіе и неограниченность императорской власти. Въ рукахъ самодержавной власти дворянство, по прежнему, оставалось безвольнымъ орудіемъ, «тѣстомъ, — по выраженію Кошелева, — изъ котораго преимущественно пеклись чиновники». «Права благородныхъ, — писалъ Карамзинъ, — суть не отдѣлъ монаршей власти, но ея главное необходимое орудіе, двигающее составъ государственный». Когда Павелъ I разрушалъ дворянское и городское самоуправленіе и сѣкъ благородныхъ, онъ совершалъ неразумные, съ государственной точки зрѣнія, поступки, но онъ не совершалъ ничего незаконнаго: государь не можетъ совершать незаконіе, ибо его воля и есть законъ. И, когда, въ отвѣтъ на слова иностраннаго посла, что онъ обѣдалъ у знатнаго вельможи кн. Куракина, Павелъ сказалъ ему: «Знайте, господинъ посолъ, что въ Россіи знатенъ только тотъ, съ кѣмъ я говорю, и только пока я съ нимъ говорю», — онъ выразилъ то, что точно соответствовало російской самодержавной конституціи: въ Російской Имперіи всѣ государственныя власти и всѣ права лицъ и сословій покоятся въ лонѣ самодержавной власти императора: оттуда истекаютъ и туда возвращаются. — И больше того: даже личныя и имущественныя права подданныхъ русскаго самодержца, къ какимъ бы сословіямъ они ни принадлежали, не могутъ полагать предѣловъ ея воли. Государь самъ устанавливаетъ эти права и самъ защищаетъ ихъ отъ посягательства другихъ лицъ. Но когда русскій самодержецъ находитъ это нужнымъ, онъ вступаетъ въ личныя и имущественныя права своихъ подданныхъ и не совершаетъ при этомъ незаконія. Это твердо знали всѣ подлые имперскіе люди, вѣря непоколеби-

мо, что въ Россійской Имперіи, какъ въ Московскомъ царствѣ, «все — Божье и Государево»: и души ихъ, и животишки. Но это знали и благородные дворяне. «Государь. — писалъ въ 1804 году большой опальный вельможа Н. Панинъ Александру I, — высшая власть, врученная Вашему Императорскому Величеству Божественнымъ Провидѣніемъ, не имѣетъ границъ. Никакая конституція, никакой законъ не ставитъ ей предѣловъ. Выражая это однимъ словомъ, она абсолютна. Мое имущество, моя свобода, моя жизнь — въ Вашихъ рукахъ, Государь». «Государь! — писалъ въ 1808 году ему же Каразинъ, — Ты самодержецъ, неограниченный властитель надъ моей жизнью. Я — ничтожный твой подданный... Монархъ! Здѣсь лежу я въ прахъ моемъ и ожидаю моей участи». Вотъ почему, если снять съ Россійской Имперіи внѣшніе западные покровы и обнажить ея подлинную сущность, она окажется тѣмъ же, чѣмъ было Московское царство — восточной теократіей и государевымъ Домомъ. Что такое Россійская Имперія въ глазахъ ея подданныхъ? — Держава російскаго императора, — Держава царствія Его Императорскаго Величества. Для имперскихъ людей, государь выше государства, ибо государство относится къ государю какъ слѣдствіе къ причинѣ. Государь всегда впереди государства. Престоль всегда впереди отечества. Или точнѣе: Государь и есть выраженіе государства; Государь «есть образъ отечества» (Карамзинъ). Ибо, по понятіямъ имперскихъ людей, не народъ ставитъ во главѣ себя государя, а государь творитъ свой народъ, и черезъ государя миліоны людей становятся государствомъ. Потому и для иностранныхъ наблюдателей: Россійская Имперія — съ самаго основанія ея и вплоть до реформъ царя-Освободителя — грандіозная восточная деспотія, въ которой государь для подданныхъ — земной Богъ, а государство — его имущество, и гдѣ всѣ подданные — рабы: одни — рабы императора, другіе — рабы рабовъ. Государство лѣпится вокругъ государя, какъ рой вокругъ матки. «Имперія, — писалъ почти въ серединѣ 19 вѣка маркизъ де Кюстинъ, — это — царствующій императоръ». «Императоръ — Господь Богъ; онъ — жизнь, онъ — любовь для этого... народа». «Нѣтъ въ наши дни на землѣ ни одного человѣка, который бы пользовался такой неограниченной властью — ни въ Турціи, ни даже въ Китаѣ». «Самодержавнѣйшая въ мірѣ имперія», — писалъ о Россійскомъ Государствѣ

18-го вѣка Ключевскій. Въ 19 вѣкѣ она стала еще само-державнѣе.

Будучи самодержавнѣйшей монархіей въ мірѣ, Россійская Имперія, тѣмъ не менѣе, по внѣшнему облику, нисколько не походила на восточную деспотію. Россійскіе императоры, какъ всѣ образованные русскіе имперской эпохи, -- люди Запада. Они съ презрѣніемъ смотрятъ на Востокъ и всей душой тянутся къ Европѣ. Восточное самовластіе и деспотичество имъ ненавистно. Передѣлывая Московское царство по западнымъ образцамъ, они прилагаютъ всѣ усилія, чтобы облечь его и въ западныя государственныя формы. Что отличаетъ истинную — правомѣрную — западную монархію отъ восточной деспотіи? Восточная деспотія управляется волею и прихотью лицъ — монарха и его слугъ. Западная правомѣрная монархія управляется на твердыхъ основаніяхъ закона. Въ истинной монархіи начало и источникъ народнаго блаженства — добрые и непремѣняемые законы. Среди законовъ правомѣрной монархіи выдѣляются основныя — коренныя, фундаментальныя. Фундаментальныя законы охраняютъ личныя и имущественныя права гражданъ, вольности и привилегіи сословій и опредѣляютъ нормальное теченіе дѣлъ государственныхъ -- «форму, каковою публичной власти дѣйствовать». Истинная монархія «должна имѣть свои основательныя законы и сохранять всѣ установленныя». Самовластіе или деспотичество, «послѣдую одному своему хотѣнію... всѣ законы разрушаетъ» (Кн. Щербатовъ). Что нужно для того, чтобы монархія могла утвердиться на незыбленныя основанія закона? — Необходимо для этого, чтобы управление государствомъ производилось не лицами, а учрежденіями, — въ производствѣ публичныхъ дѣлъ должна дѣйствовать не сила персонъ, а власть мѣстъ государственныхъ. Управление не лицами, а мѣстами — второй отличительный признакъ истинной монархіи. Государственныя мѣста должны быть устроены такъ, чтобы всѣ публичныя власти — законодательная, судебная и исполнительная — были строго отдѣлены другъ отъ друга. Точное опредѣленіе границъ каждой власти устраняетъ неизбѣжныя тренія въ государственныхъ дѣлахъ. Не можетъ быть порядка и законности тамъ, гдѣ всѣ государственныя дѣла безъ раздѣленія смѣшаны. И, наконецъ, послѣдній отличительный признакъ истинной монархіи, опредѣляющій всѣ остальные. Чтобы фундаментальныя зако-

ское царство въ европейскую имперію, взяли всё государственныя мѣста, охраняющія святость этихъ законовъ, были независимы, надо наподнить ихъ людьми, обладающими собственной волей — неопредѣляемой монархомъ: представителями свободныхъ сословій или народа. Государственныя мѣста должны не столько выражать волю монарха, сколько быть ея противовѣсомъ. Таковы основы правомѣрной монархіи, какъ ихъ опредѣлила теорія и практика Запада. — Россійскіе императоры, передѣлывая Московское царство въ европейскую Имперію, взяли всё государственныя формы Запада: управление сообразно законамъ, — обыкновеннымъ и фундаментальнымъ — государственныя мѣста, раздѣленіе властей, права и вольности сословій. Но они непреклонно отказывались взять ту форму, которая гарантируетъ всё остальныя: независимыя отъ монаршей воли государственныя учрежденія, наполненныя представителями сословій или народа. Ибо они правильно полагали, что независимыя представительныя учрежденія монаршею волю ограничиваютъ. Между тѣмъ, какъ цѣлью государственной реформы, которую они проводили, было: поставить «Россію на одной чредѣ съ прочими государствами европейскими, не отнимая ничего отъ силы ея необходимаго самодержавія». Самодержавіе есть палладіумъ Россіи; цѣлость его необходима для ея счастья. Его ограниченіе грозитъ Россіи гибелью. Потому, долгъ императоровъ: «недреманнымъ окомъ смотрѣть, чтобы самодержавную власть, подобно уздѣ, изъ рукъ не выпустать», и «чтобы старое и отъ прародителей воспріятое государства правило удержатъ непремѣнно». Вотъ почему, облекая Россійскую Имперію въ государственныя формы Запада, русскіе государи зорко слѣдятъ за тѣмъ, чтобы эта перестройка была проведена «безъ малѣйшаго прикосновенія къ священнымъ правамъ самодержавія». Они искренно вѣрятъ, что формы истинной монархіи могутъ быть сочтены съ формами неограниченнаго самодержавія. Что и подъ сѣнью неограниченной власти возможно процвѣтаніе законности и свободы. Законность и свобода легче могутъ быть защищены и охранены не внѣшними гарантіями, а добровольнымъ самоограниченіемъ власти. Государь самъ устанавливаетъ законы государства, но, изрекши законы, самъ первый ихъ чтить и имъ повинуется. Государь самъ даруетъ права и вольности лицамъ и сословіямъ, но, разъ даровавши, самъ блюдетъ ихъ и за-

вѣщаетъ блюсти своимъ наслѣдникамъ на вѣчныя времена ненарушимо. Государь самъ опредѣляетъ нормальное теченіе дѣлъ государственныхъ, но опредѣливши, строго слѣдить за тѣмъ, чтобы оно изъ установленныхъ границъ не выступало. Иначе говоря, самодержавная власть не терпитъ никакихъ границъ, извнѣ ей указанныхъ, но она считаетъ своимъ священнымъ долгомъ «дѣйствовать предѣлами, себѣ ею же самою положенными». Обязательства, взятая на себя самодержцемъ, должны быть для него непреложны. Ибо «всякое право, а, слѣдовательно, и право самодержавное, потому есть право, поколику оно основано на правдѣ. Тамъ, гдѣ кончится правда и гдѣ начнется неправда, кончится право и начнется самовластіе. Ни въ какомъ случаѣ самодержецъ не подлежитъ суду человѣческому, но во всѣхъ случаяхъ онъ подлежитъ, однако же, суду совѣсти и суду Божию». Такова самодержавная конституція, которую сами себѣ октроируютъ русскіе императоры. — Можетъ ли неограниченный самодержецъ самъ себя ограничить? Можно ли неограниченную власть сочетать съ закономъ, самодержавіе со свободой? Теорія и практика Запада говорили, что это невозможно. Неограниченному самодержцу — не установивши внѣшнихъ гарантій—самому себя ограничить такъ же невозможно, какъ человѣку — безъ крыльевъ — поднять самого себя на воздухъ. Сочетаніе неограниченной власти съ закономъ, самодержавія со свободой — «политическая квадратура круга». Это отлично понимали люди Запада, знавшіе по опыту, что сила можетъ быть ограничена только силой. «Богъ могъ бы быть уравновѣшенъ только Богомъ», — писалъ Гете. «Нѣтъ правъ и законовъ тамъ, гдѣ государь располагаетъ правами и законами по своему усмотрѣнію», — писалъ Дидро въ замѣчаніяхъ на Наказъ Екатерины. Но это понимали и зрячіе русскіе государственные дѣятели. «Какіе законы, — писалъ еще въ 18 вѣкѣ кн. Щербатовъ, — могутъ быть полезны для такого народа, который... самую жизнь имѣетъ токмо тогда, когда угодно деспоту дозволить ему оной пользоваться». Гражданскіе законы, — писалъ Сперанскій, — действительны только тамъ, гдѣ существуютъ законы политическіе. «Къ чему законы, распредѣляющіе собственность между частными людьми, когда собственность сія ни въ какомъ предположеніи не имѣетъ твердаго основанія? Къ чему гражданскіе законы, когда скрижали ихъ каждый день могутъ

быть разбиты о первый камень самовластія?.. Всякое правленіе, чтобы быть законнымъ, должно основываться на общей волѣ народа. Сила можетъ быть ограничена только силой... Созданія, исходящія только изъ личной воли монарха, не могутъ служить противѣсомъ силѣ; приписывать имъ это значеніе значило бы измѣрять пространство тяжестью... Власть правительства можетъ быть ограничена только властью народа». Какія мѣры должны быть приняты, чтобы правленіе, дотолѣ самодержавное, постановить и учредить на непремѣняемомъ законѣ? — Возможны два различныя устройства. «Первое состоитъ въ томъ, чтобы облечь правленіе самодержавное всѣми.. внѣшними формами закона, оставивъ въ существѣ его ту же силу и то же пространство самодержавія. Второе устройство состоитъ въ томъ, чтобы не внѣшними только формами покрыть самодержавіе, но ограничить его внутреннею и существенною силою установленій и учредить державную власть на законѣ не словами, но самимъ дѣломъ. Первое изъ нихъ имѣетъ только видъ закона, а другое самое существо его; первое, подъ предлогомъ единства державной власти, вводитъ совершенное самовластіе, а другое ищетъ въ самомъ дѣлѣ ограничить его и мѣрить». Россійскіе государи приняли для своей имперіи первое устройство: облекли свое самодержавное правленіе всѣми внѣшними формами закона, но силы и пространства самодержавія не тронули. Наоборотъ, укрѣпили его, вооруживъ всѣми административными достиженіями Запада. Потому господства закона въ Россійской Имперіи, на дѣлѣ, они не установили. Правового государства не создали. То, что было невозможно на Западѣ, не стало возможнымъ и въ Россіи: россійскіе самодержцы не оказались въ силахъ сами себя ограничить законами, государственными мѣстами и правами подданныхъ. Западныя государственныя формы плотно облегли тѣло Россійской Имперіи; а порывы неограниченной монаршей власти — вольно и невольно — рвали эти покровы. «На дѣлѣ — въ императорской Россіи — монархъ господствовалъ надъ закономъ, а законъ не всегда господствовалъ надъ строной» (Нольде). И въ западныхъ формахъ Россійская Имперія оставалась восточной деспотіей.

Перестройку московской восточной деспотіи въ западную правомѣрную монархію началъ Петръ Великій. Европейское регулярное государство — его идеаль. Чтобы

народъ былъ счастливъ, вся государственная жизнь должна опредѣляться законами, регламентами и уставами; управление должно вестись не лицами, а учреждениями; учрежденія должны быть устроены коллегіально, ибо: «извѣстнѣе взыскуется истина соборнымъ сословіемъ, нежели единымъ лицомъ»; а главное: «коллегіумъ свободнѣйшій духъ въ себѣ имѣетъ къ правосудію: не такъ бо, яко же единоличнѣйшій правитель, гнѣва сильныхъ боится». Когда государственная жизнь опредѣлена законами и регламентами, а государственное управление ведется коллегіями, тогда государство приходитъ въ цвѣтущее состояніе, и «стрѣлка жизни показываетъ странѣ счастливые часы». Рѣшивъ ввести въ Россійской имперіи «порядочное» и регулярное управление, Петръ обратился за образцами туда же, откуда взялъ образцы для всѣхъ своихъ преобразованій — на Западъ. Царскіе послы и резиденты въ Европѣ получили приказы: сыскать и выслать регламенты и вѣдомости различныхъ учреждений правительственныхъ, которые они должны прилежно выбрать «изъ правленія уставовъ разныхъ, какъ аглинскихъ, французскихъ, германскихъ, также и прочихъ европейскихъ, присутствующихъ попиличеству самодержавія». Послы и резиденты царскіе приказы выполнили: регламенты, уставы и вѣдомости сыскали и выслали. По этимъ образцамъ, съ помощью иностранныхъ мастеровъ этого дѣла, а то и просто «капательныхъ субъектовъ», набранныхъ въ той же Европѣ, Петръ кроилъ одежды для своихъ государственныхъ учреждений. Въ однихъ случаяхъ снималъ точныя копии, въ другихъ складывалъ европейское, преимущественно, шведское, съ русскимъ — «спускалъ съ русскими обычаями». Такъ возникли петровскія правительственныя учрежденія: городскіе ратуши и магистраты, губерніи, провинціи и дистрикты съ губернаторами, ландратами и комиссарами; центральныя коллегіи — камеръ-коллегія, юстицъ-коллегія, коммерцъ-коллегія и другія; и надъ всѣми ними — Правительствующій Сенатъ. Но не надо себя обманывать. Всѣ эти пышныя европейскія названія нисколько не соотвѣтствуютъ происшедшей на дѣлѣ перемѣнѣ. Ибо, на дѣлѣ, въ государственномъ строеніи Московскаго царства, переименованнаго теперь въ Россійскую имперію, измѣнилось мало. Какъ въ Московскомъ царствѣ, такъ и въ Россійской имперіи, все въ государственной жизни опредѣляетъ царская воля. Подъ царемъ — тяжлые классы.

Все государственное зданіе стоитъ на «крѣпости». Надъ всѣми новыми законами и регламентами, надъ всѣми государственными учрежденіями — соборными и единоличными — высится неограниченная власть самодержца, все покрывая и давя своей непомерной тяжестью. Самодержавная власть въ Россійской имперіи, въ своемъ пространствѣ и силѣ, нисколько не меньше, чѣмъ въ Московскомъ царствѣ. Наоборотъ, она кажется еще необъятнѣе и могущественнѣе. Въ Московскомъ царствѣ царь не знаетъ внѣшнихъ границъ своей власти; но онъ знаетъ ея внутренніе предѣлы: въ церкви, въ боярской чести, во всемъ чинѣ жизни — старинѣ и пошлинѣ. Въ своей новой имперіи Петръ не зналъ никакихъ предѣловъ власти — ни внѣшнихъ, ни внутреннихъ. Церковь — государева служба. Священство — имперскій чинъ. Высшіе іерархи — государевы слуги и рабы. «Извѣстно Вашему Царскому Величеству, — писалъ Петру мѣстоблюститель патріаршаго престола, митрополитъ Стефанъ Яворскій, — какъ я на едино повелѣніе царское оставилъ свое схимническое бытіе, которое обѣщалъ Господу Богу, на смертной постели лежачи, и хотя ужасно мнѣ было сломать обѣтъ, однакожь монаршей волѣ Вашего Царскаго Величества не дерзаль противиться»; и подписывался: «Вашего Царскаго Великодержавнѣйшаго монаршества вѣрный подданный и всегдашній богомолецъ, рабъ и подножіе, смиренный Стефанъ, пастушокъ рязанскій». Нѣтъ при Петрѣ мѣста и боярской чести. Боярство — яблоко, упалое дерево. Дворянскіе роды «уподдлились». Рядомъ со старыми родовитыми людьми встали новые, изъ подлости происшедшіе. Ибо для Петра благородны и знатны только тѣ, кто служатъ государю. Шляхетство только «службой и благородно и отлично отъ подлости». На докладѣ царю, въ которомъ спрашивалось, кого считать знатнымъ дворянствомъ, Петръ поставилъ резолюцію: «знатное дворянство по годности считать». «Стали не роды почтены, — писалъ о петровскомъ времени кн. Щербатовъ, — а чины, заслуги и выслуги». «Петръ, — писалъ Фоккеродтъ, — пользовался самой полной самодержавной властью... и подлинно заставилъ своихъ дворянъ почувствовать иго рабства... Располагалъ ихъ жизнью и имуществомъ безъ малѣйшаго уваженія, по собственной волѣ и прихоти». Такъ была снята и вторая преграда неограниченной власти. А чинъ жизни — старину и пошлину — Петръ снялъ «доброй но-

визной». «Мы новые люди во всемъ», — говорилъ онъ. Вотъ почему власть Петра Великаго кажется еще безмѣрнѣе, чѣмъ власть Ивана Грознаго. Вотъ почему и лицо его, на нѣкоторыхъ портретахъ кажется еще страшнѣе. Потому и новыя государственныя учрежденія, введенныя Петромъ, только въ малой мѣрѣ измѣнили ликъ государства. Въ старой государственной машинѣ были смѣнены нѣкоторыя передаточныя колеса — двигатель остался тотъ же. Да и самыя формы государственныхъ учреждений, скроенныя Петромъ по чужимъ образцамъ, оказались Россіи явно не по росту. Черезъ короткое время большая часть ихъ разорвалась въ клочья. Областное управление оказалось дорогимъ и громоздкимъ. Населеніе страдало отъ него больше, чѣмъ отъ московскаго. Въ мѣстныхъ учрежденіяхъ, городскихъ и губернскихъ, единственно живая и дѣятельная фигура — старый воевода, столпъ и утверженіе Московскаго царства. Выборныя власти — бурмистры, члены магистратовъ, ландраты — при близкомъ разсмотрѣніи, — старые московскіе излюбленные люди, съ тугой и слезами тянущіе постылое государево тягло — службу по выбору. Коллегіи — тѣ же московскіе приказы. Вѣдомственныя дѣла распределены по иному, но веденіе дѣла то же. Несмотря на соборный обрядъ, всѣмъ верховодятъ единоличныя правители, въ особенности, въ тѣхъ коллегіяхъ, гдѣ президенты — «верховные господа». И лишь Правительствующій Сенатъ своимъ величественнымъ названіемъ и важностью формъ смущаетъ и путаетъ воображеніе. Сенатъ — Верховное мѣсто имперіи; хранилище законовъ; блюститель благоустройства. Сенатъ управляетъ, судитъ и даже законодательствуетъ. Власть его чрезвычайна, «понеже собраніе сіе установлено вмѣсто присутствія Его Царскаго Величества собственной персоны». Сенату и его указамъ всѣ должны повиноваться, какъ самому императору, «подъ жестокимъ наказаніемъ или смертью, по винѣ смотря». Невольно встаетъ въ памяти, если не римскій сенатъ, о которомъ охотно вспоминали и петровскіе сенаторы, то, по крайней мѣрѣ, сенаты европейскихъ регулярныхъ государствъ, съ которыми петровскій долженъ непременно имѣть сходство. Но, на самомъ дѣлѣ, это совсѣмъ-не такъ. Петровскій сенатъ, ни въ малой мѣрѣ, не походитъ ни на римскій, ни на европейскіе. Это чисто русское имперское государственное мѣсто — техни-

ческой инструментъ государева управленія, покорное орудіе императорской самодержавной власти. Въ немъ нѣтъ ни капли собственной воли, ни тѣни «политическаго бытія». Да ихъ и не могло быть при Петрѣ. Петръ управлялъ своей имперіей, какъ добрый хозяинъ управляетъ имѣніемъ или торговымъ предпріятіемъ. «Его Величество, — рассказываетъ Голиковъ, — входилъ во все не иначе, какъ рачительный о домѣ хозяинъ, и хозяинъ толь великому дому, какова Россія». Ему хотѣлось за всѣмъ самому присмотрѣть, все самому управить. Будь у него много глазъ и рукъ, онъ бы такъ и дѣлалъ. Но двухъ глазъ и рукъ на все не хватало. Онъ самъ трогательно жалуется на это въ своемъ указѣ о челобитчикахъ: «Челобитчики непрестанно Его Царскому Величеству докучаютъ о своихъ обидахъ..., но при томъ каждому разсуждать надлежитъ, что какое ихъ множество, а кому бьютъ челомъ, одна персона есть и та коликими воинскими и прочими несносными трудами объята, что всѣмъ извѣстно есть; и хотя бы и такихъ трудовъ не было, возможно ль одному человѣку за такъ многими усмотрѣть? Во истину, не точію человѣку, ниже ангелу, понеже и оныя мѣстамъ описаны суть, ибо гдѣ присутствуетъ, а индѣ его нѣтъ». Вотъ тамъ, гдѣ Петра не хватало и, въ особенности, индѣ его не было, и долженъ былъ дѣйствовать Сенатъ. «Опредѣлили быть для отлучекъ нашихъ правительствующій сенатъ для управленія», — гласитъ учреждающій сенатъ указъ Петра. Фактически сенатъ управлялъ и не во время царскихъ отлучекъ, пользовался большою властью и вершилъ большія дѣла. Но все это — по царскому порученію и приказу. Чего хозяинъ самъ не управить, онъ поручаетъ своимъ сподручнымъ. Такъ поступалъ и Петръ. Вершилъ самъ, что считалъ поважнѣе. Накладывалъ на сенатъ остальную, порой непомѣрную работу. Передѣлывалъ по своему, что находилъ въ его работѣ негоднымъ. По существу, сенатъ — хозяйская контора. Сенаторы — царскіе прикащики. И обращался Петръ съ сенаторами, какъ со слугами и рабами. Сенатскую работу заставлялъ дѣлать подѣ страхомъ штрафовъ, казни и гнѣва властительскаго. За «оплошку» грозилъ хозяйской расправой: «Вы это или смѣху для илладычи отъ оныхъ (торговыхъ людей) по старымъ глупостямъ учинили», и, когда ко мнѣ пріѣдете, то у васъ объ этомъ «весьма инако испрашивано будетъ». Свои приказанія заключалъ угрозой: если не исправите, «тогда не ми-

нете не только жестокой отвѣтъ дать, но и истязаны будете». «Дабы сенатъ свою должность хранилъ и во всѣхъ дѣлахъ... истинно, ревностно и порядочно безъ потери времени, по регламентамъ и указамъ, отправлялъ», Петръ приставилъ къ нему, «яко око Наше», генераль-прокурора. Око Государево и сталъ фактически начальникомъ Сената — съ его появленіемъ роль самой сенатской коллегіи становится ничтожной. Генераль-прокуроръ предсѣдательствовалъ въ сенатѣ, контролировалъ его дѣятельность, накладывалъ вето на его рѣшенія, слѣдилъ по песочнымъ часамъ, «чтобы въ засѣданіяхъ лишннихъ словъ и болтовни не было», и превращалъ Сенатъ, — по выраженію Ключевского, — въ «политическое сооруженіе на пескѣ». Въ послѣдніе годы своей жизни Петръ, въ важныхъ дѣлахъ, все чаще обходился безъ сената. Вѣра въ государственныя учрежденія и соборное начало ослабла. Петръ собиралъ тайныя консиліи и принималъ отвѣтственныя рѣшенія въ тѣсномъ кругу ближайшихъ помощниковъ — господъ министровъ. Сенатъ занимался текущими дѣлами. — Такъ Петру и не удалось создать регулярное государство. Издавши множество законовъ и регламентовъ, господства закона въ Россійской Имперіи онъ не установилъ. За нѣсколько лѣтъ до смерти онъ говорилъ въ указѣ: «Всеу законы писать, когда ихъ не хранить, или ими играть, какъ въ карты, прибирая масть къ масти, чего нигдѣ на свѣтѣ такъ нѣтъ, какъ у насъ было, а отчасти и еще есть, и зѣло тцаться всякія мины чинить подъ фортецію правды». — — Какъ въ Московскомъ царствѣ, такъ и въ Петровской имперіи: государственное управленіе не подзаконное, а произвольное — деспотическое. Для европейскихъ наблюдателей Петровская имперія, по формѣ государственности, стоитъ въ одномъ ряду съ Турціей, Персіей и Марокко.

Періодъ отъ смерти Петра и до воцаренія Екатерины Великой — смутное время Россійской Имперіи. Эпоха безпорядочной смѣны государей, насильственныхъ дворцовыхъ переворотовъ, владычества временниковъ и фаворитовъ — «случайныхъ и припадочныхъ людей», — господства прихоти лицъ и произвола власти. Не законъ управлялъ персонами, а персоны закономъ. Въ производствѣ дѣлъ сила персонъ дѣйствовала болѣе, нежели власть мѣстъ государственныхъ. «Иногда и самымъ верховнымъ мѣстамъ...—писалъ объ этомъ времени Н. Панинъ,—оста-

валось только ихъ наименованіе, а все государство одними персонами и ихъ изволеніями безъ знаній и внѣ мѣсть управляемо было». Про ту же эпоху писалъ Минихъ: «Русское государство управляется самимъ Богомъ, иначе невозможно объяснить себѣ, какимъ образомъ оно можетъ существовать». — Новая, передѣланная по европейскимъ образцамъ, Россія, оставленная Петромъ, — «недостроенная хранина». Петръ многое начиналъ, но не доканчивалъ. Многое докончить не успѣлъ. А многое строилъ на пескѣ и сѣялъ на камнѣ. Послѣ смерти Петра, недостроенная хранина стала быстро осѣдать и разваливаться. Погибъ петровскій флотъ, стали разрушаться заводы и мануфактуры, почти безъ слѣда исчезли зачатки народнаго образованія. Уцѣлѣло только то, что было нужно для защиты государства и что пришлось по вкусу верхамъ общества: армія, столица и внѣшній европейскій лоскъ. И, въ первую очередь, развалилось регулярное петровское государство. Черезъ всю стройную систему правительственныхъ мѣсть и учреждений, снизу до верху, прошла глубокая трещина. «По разсужденіи о нынѣшнемъ состояніи всероссійскаго государства, — писали въ своемъ мнѣніи, поданномъ Верховному Тайному Совѣту въ концѣ 1726 года Меньшиковъ, Макаровъ, Волковъ и бар. Остерманъ, — оказывается, что едва ли не всѣ дѣла, какъ духовныя, такъ и свѣтскія, въ худомъ порядкѣ находятся и скорѣйшаго исправленія требуютъ, и какимъ неусыпнымъ прилежаніемъ блаженныя и вѣчно достойныя памяти Его Императорское Величество не трудился въ установленіи добраго порядку во всѣхъ дѣлахъ... однакожъ, того по се время не видно». Въ особенности добраго порядка не было въ мѣстномъ управленіи. Областная реформа Петра—для его времени—слишкомъ тонкая и сложная затѣя. Она оказалась не по плечу ни управляемымъ, ни управителямъ. «Умноженіе правителей и канцелярій во всемъ государствѣ не только служитъ къ великому отягощенію стата, но и къ великой тягости народной», — писали въ проектѣ манифеста преемники Петра, разсматривая его, какъ «Указъ о всенародномъ облегченіи». «Теперь надъ крестьянами десять и больше командировъ находится вмѣсто того, что прежде былъ одинъ..., изъ которыхъ иные не пастырями, но волками, въ стадо ворвавшимися, назваться могутъ», — писали въ своемъ мнѣніи Меньшиковъ и товарищи. Народъ пришелъ въ крайнее раззоре-

ніе, — доносили Екатеринѣ I сенаторы. — А многіе крестьяне отъ великой скудости и несноснаго имъ отягощенія «уже за чужія границы побѣжали и никакими крѣпкими заставы удержать ихъ отъ того не можно». Надо было не теряя времени, «показать народу милосердіе». «Для скорѣйшаго облегченія крестьянъ и для увеселенія и надежды народной», вмѣстѣ съ другими тягостями спѣшно и безъ милосердія упразднили и петровскую областную реформу, поставивъ такимъ образомъ крестьянъ надъ всей тяжелой работой Петра по установленію добраго и порядочнаго управленія. «Какъ надворные суды, такъ и всѣхъ высшихъ управителей, и канцелярій, и конторы, земскихъ комиссаровъ и прочихъ и тѣмъ подобныхъ все отставить, и положить всю расправу и судъ по прежнему на губернаторовъ и воеводъ», — гласилъ упраздняющей реформу указъ 24 февраля 1727 года. «Для лучшаго посадскимъ людямъ охраненія», велѣно было подчинить губернаторамъ и воеводамъ и городскіе магистраты. Отъ мѣстной петровской реформы не осталось и слѣда. Городскія учрежденія до Елизаветы, а губернскія вплоть до реформъ Екатерины Великой ничего общаго съ петровскими не имѣютъ: это почти точныя копіи старыхъ — московскихъ. Какъ въ Московскомъ царствѣ, всѣмъ населеніемъ правятъ воеводы и ихъ приказные, — хотя и одѣтые въ нѣмецкое платье, но ничѣмъ не отличающіеся отъ московскихъ подъячихъ. Какъ въ Московскомъ царствѣ, подъ воеводами и приказными тяглые волостные и посадскіе міры со стянутымъ круговой порукой чернымъ народомъ и его излюбленными людьми по выбору — старостами, головами и цѣловальниками. Какъ въ Московскомъ царствѣ, единственная задача воеводскаго управленія — судъ и дань. Какъ въ Московскомъ царствѣ, главное орудіе управленія — батоги и плети «безо всякія пощады». Отъ Европы и регулярнаго порядочнаго управленія остались только парики и мундиры, да густой налетъ канцелярскаго формализма и волокиты.

Не выдержали испытанія времени и центральныя учрежденія Петра. Сенать и Коллегіи сохранились. Но роль ихъ въ центральномъ управленіи была опрокинута. Вскорѣ послѣ смерти Петра Сенату была назначена новая «должность», значительно умаляющая его права. У Сената было отнято наименованіе «Правительствующій»; изъ его вѣ-

дѣнія были изъяты главныя Коллегіи — Военная, Морская и Иностранная; онѣ были лишены непосредственныхъ сношеній съ императорскою властью. Съ «Верховнаго мѣста Имперіи» Сенатъ былъ низведенъ на роль второстепеннаго государственнаго установленія—уравненъ съ «прочими Коллегіями». Такъ было уничтожено одно изъ лучшихъ созданій Петра—«любимое Петрово дѣтище». Пострадали и сами Коллегіи. Число ихъ было уменьшено — нѣкоторыя Коллегіи уничтожены, Соборное начало сведено къ минимуму: — составъ коллежскаго присутствія сокращенъ втрое, ибо, при большомъ числѣ присутствующихъ, «отъ многого разногласія въ дѣлахъ остановка и продолженіе, а въ жалованьѣ напрасный убытокъ происходитъ». Надъ Сенатомъ и Коллегіями, превративъ ихъ въ подчиненныя исполнительныя органы, встали теперь новыя правительственныя мѣста — «Совѣты при особѣ государя»: Верховный Тайный Совѣтъ, Кабинетъ министровъ, Конференція при Высочайшемъ Дворѣ. Когда впервые, послѣ смерти Петра, учреждался такой Совѣтъ, многимъ иностраннымъ наблюдателямъ казалось, что совершается событіе большой важности: дѣлается «первый шагъ къ перемѣнѣ формы правленія» — ограниченію самодержавной власти и установленію «правленія, подобнаго англійскому». Но это была только обманчивая игра западнаго свѣта на российскомъ восточномъ царствѣ. На самомъ дѣлѣ, какъ и Сенатъ, Совѣты — чисто российскія имперскія правительственныя учрежденія: государственныя мѣста «при Высочайшемъ Дворѣ», «при особѣ Е. И. В.» или, еще точнѣе, — какъ сказано въ указѣ 1727 года, — «при боку нашемъ». Въ Россійской Имперіи всѣ стихіи державнаго права сосредоточены въ личности монарха, — какъ сказано въ докладѣ Н. Панина Екатеринѣ II: «главное, истинное и общее о всемъ государствѣ попеченіе замыкается въ персонѣ государевой». Государь — средоточіе суда, законоданія и управленія. Вся текущая дѣятельность по суду и управленію, въ предѣлахъ предписанныхъ законовъ и уставовъ, ведется подчиненными государю органами: Сенатомъ, Коллегіями и мѣстными властями. Но дѣла «выщей важности» и дѣла законоданія могутъ рѣшаться только самимъ государемъ. Вотъ для совѣщанія, о такихъ «политическихкихъ и другихъ важныхъ Государственныхъ дѣлахъ», «которыя собственному Е. И. В. рѣшенію подлежатъ», монархи и создавали при своей особѣ Совѣты изъ

близкихъ и повѣренныхъ лицъ. Повѣренные лица подавали свои мнѣнія — монархи рѣшали. Никакой собственной воли и силы Совѣты не имѣли. Какъ и у Сената, у нихъ нѣтъ и тѣни «политическаго бытія». Совѣты — «ближняя комната» московскихъ царей; «домашнее мѣсто» российскихъ императоровъ, изъ котораго истекаетъ «собственное монаршее изволеніе». Совѣтъ не есть «особливое коллегіумъ...», — гласило апробованное императрицей Екатериной I «мнѣніе не въ указъ» Верховнаго Тайнаго Совѣта — понеже оной токмо Ея Величеству ко облегченію въ тяжкомъ Ея правительствѣ бремени служить». «Мы сей Совѣтъ учинили верховнымъ и при боку Нашемъ, — гласилъ указъ 1727 года, — не для чего иного, только дабы оной въ семъ тяжкомъ бремени правительствѣ во всѣхъ государственныхъ дѣлахъ вѣрными своими совѣтами и безстрастнымъ объявленіемъ мнѣній своихъ Намъ споможеніе и облегченіе учинилъ». «Императорскій Совѣтъ не что иное, какъ то самое мѣсто, въ которомъ Мы объ Имперіи трудимся», — говорилъ манифестъ, поднесенный Екатериной II для подписанія Н. Панинымъ. Таково подлинное назначеніе Совѣтовъ. Если порою Совѣты выходили изъ поставленныхъ имъ границъ — «изъ своихъ основаній», — становились «господами положенія» и въ такомъ видѣ составляли «злोकлюпительный общему благу интервалъ между государя и правительствѣ», то это случалось только благодаря особымъ обстоятельствамъ: малолѣтію государя, междуцарствію или, что было чаще, — какъ писала Екатерина II въ наставленіи Вяземскому, — «не прилежаніемъ къ дѣламъ моихъ нѣкоторыхъ предковъ, а болѣе случайныхъ при нихъ людей пристрастіями». По существу, Совѣты, какъ и петровскій Сенатъ, — покорное орудіе императорской самодержавной власти; хозяйская контора съ повѣренными прикащиками — «верховными господами» и «министрами». Или еще точнѣе — крѣпостная контора большой барской вотчины. Какъ вотчинныя конторы, Совѣты занимались не только дѣлами управленія и хозяйства, но и личными дѣлами господина. Верховный Тайный Совѣтъ собирался для обсужденія внутреннихъ, чужестранныхъ и домашнихъ дѣлъ. Кабинетъ министровъ вершилъ всѣ дѣла Анны; законодательствовалъ, судилъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, распоряжался по ея личнымъ надобностямъ: покупалъ для двора зайцевъ, готовилъ конюшни для царскихъ лошадей, устраи-

валь маскарадъ въ Ледяномъ домѣ. «Е. И. В. изволила указать, — писали кабинетъ-министры въ апрѣлѣ 1735 года главнокомандующему въ Москвѣ гр. Салтыкову, — мартышку, которую прислалъ Лангъ (русскій агентъ въ Китаѣ), и которая въ Москвѣ родила, прислать ее и съ маленькою мартышкою ко двору Е. И. В. въ Петербургъ. Того ради изволите ваше сіятельство оныхъ мартышекъ всѣхъ и съ маленькою отправить съ кѣмъ пристойно и велѣть оныхъ мартышекъ въ пути несть всегда на рукахъ и беречь, чтобы имъ, а паче маленькой никакого вреда не учинилось». Какъ личная контора императрицы, кабинетъ министровъ засѣдалъ въ царскомъ дворцѣ и вмѣстѣ съ государыней переѣзжалъ съ мѣста на мѣсто.

И такое же положеніе занимали въ эту эпоху и другія верховныя правительственныя мѣста, какую бы роль въ государственномъ управленіи они ни играли. По воцареніи Елизаветы, Совѣты снова на время уступили мѣсто Сенату. Елизавета хотѣла возстановить порядокъ Петра. Законы отца своего она «во всемъ своими почитала». Возстановленіе этихъ законовъ, «установленныхъ для блаженства и для благосостоянія государства» — ея идеаль. Правительство было возобновлено «на томъ фундаментѣ, какъ оно было при жизни блаженной и вѣчно достойной памяти Государя, родителя Е. В., Петра Великаго». Кабинетъ министровъ былъ уничтоженъ. Сенату возвращена «прежде бывшая сила и власть». И, дѣйствительно, елизаветинскій Сенатъ, какъ при Петрѣ, — «первое государственное мѣсто», «Правительство, которое главнымъ всего государства почитается». Сенатъ судить, управляетъ и законодательствуетъ — вершить «почти все». И, тѣмъ не менѣе, его положеніе подъ самодержавной властью императрицы ни чѣмъ не отличается отъ положенія петровскаго Сената и всѣхъ Совѣтовъ «при особѣ Государя». По существу, это та же крѣпостная контора. Въ началѣ царствованія Елизавета присутствовала въ Сенатѣ своей особой. «Повѣренные наши, Сената члены» докладывали. Императрица рѣшала. Позднѣе Елизавета присутствовать въ Сенатѣ перестала. Сенатскія дѣла сообщались завѣдующему личнымъ Кабинетомъ государыни Черкасову для доклада императрицѣ «при удобномъ случаѣ». Ему же передавались указы для царской подписи, съ просьбой «удобнаго времени не упустить». Отъ Черкасова сенаторы получали высочайшее повелѣніе и неофициальныя разъясненія на-

мѣреній императрицы. Когда Елизавета бывала недовольна работой Сената, она издавала указы съ рѣзкими выговорами сенаторамъ. Сенаторы отвѣчали рапортами, что приняли указы «съ подрожаціемъ раболѣпнѣйшимъ и съ великимъ глубочайшимъ сожалѣніемъ и съ внутреннимъ трепетаніемъ сердце». Когда императрица присутствовала въ Сенатѣ, сенатскія сессіи происходили въ «Императорскомъ домѣ». При переѣздахъ императрицы Сенатъ «по рабской должности» слѣдовалъ за ней изъ Петербурга въ Москву и обратно.

Таково положеніе верховныхъ правительственныхъ мѣстъ Имперіи въ теченіе всего восемнадцатаго вѣка. По существу, значеніе ихъ въ эту эпоху ничтожно. Дѣйствуютъ не мѣста, а люди. Государя законодательствуютъ и управляютъ — черезъ Сенатъ и Совѣты. Но перѣдко — въ формѣ именныхъ указовъ «за подписаніемъ Е. В. собственныя руки». Или еще проще: распоряженіями «по дежурству отъ генераль-адъютанства». На ряду съ государями, а часто и заслоня ихъ, дѣйствуютъ фавориты и любимцы. Роль ихъ въ государственномъ управленіи громадна. Фавориты и любимцы вершатъ всё дѣла, подлежащія вѣдѣнію императорской власти, заполняютъ важнѣйшія должности и службы своими приверженцами и угодниками и превращаютъ правительственныя мѣста въ игрушку своихъ прихотей. «Отъ самой кончины Петра I, — писалъ въ началѣ 19 вѣка гр. Заводовскій, — во всё времена властолюбивыя лица, пользуясь довѣренностью государскою, стремились къ тому, чтобы имъ, а не мѣстамъ властвовать». «Меньшиковъ пользуется величайшей властью, какая только можетъ выпасть на долю подданнаго». «Меньшиковъ управляетъ, какъ самодержецъ», — доносили своимъ дворамъ иностранные резиденты, «Сей эпокъ заслуживаетъ особливое примѣчаніе: — писалъ въ докладѣ Екатеринѣ II Н. Панинъ, — въ немъ все было жертвовано... хотѣніямъ припадочныхъ людей». Прихотливые и припадочные люди все могли, все дѣлали, — по произволу и по дворскому фавору хватили и присваивали себѣ всё государственныя дѣла, безъ знанія и разбору. «Мнѣ... случилось слышать у престола государева отъ людей, его окружающихъ, пословицу льстивую за штатское правило: была бы милость, всякаго на всё станеть». Сіе злосключительное положеніе можетъ быть уподоблено «тѣмъ варварскимъ временамъ, въ

которыя не токмо установленнаго правительства, ниже письменныхъ законовъ еще не бывало». Значеніе временщиковъ и фаворитовъ — большихъ и случайныхъ господъ — въ государственномъ управленіи было такъ велико, что Панинъ видѣлъ въ нихъ «скрытыхъ похитителей самодержавной власти» и считалъ чужнымъ принять мѣры къ ея огражденію. Последнее, конечно, не вѣрно. Самодержавная власть стояла незыблимо. «Простъ же ты, если думаешь, — говорила Екатерина I гр. Апраксину, — будто я позволю Меньшикову пользоваться единой капелькой своей власти». То же могли бы сказать и другіе государи этой эпохи. Если фавориты и любимцы играли большую роль въ государственномъ управленіи, то это объясняется иначе. Самодержавная форма правленія требуетъ сильной и твердой руки. Когда ея нѣтъ, верховная власть неизбѣжно распадается среди лицъ, приближенныхъ къ самодержцу. Такъ это и было въ разсматриваемую эпоху. На тронѣ сидѣли государи, слабые и съ небреженіемъ относившіеся къ государственнымъ дѣламъ. Потому сильныя персоны и счастливыя въ случаѣ фавориты и стали господами положенія. Когда на тронъ взошла государыня съ твердой рукой, любимцы и фавориты стали на свое мѣсто: — Такова печальная судьба «многихъ и несносныхъ» трудовъ Петра по установленію въ Россійской Имперіи порядочнаго и политичнаго управленія. Еще при жизни, Петръ «на гору самъдесять тянулъ, а подъ гору миллионы тянули». Послѣ смерти Петра тянуть на гору стало некому. вмѣсто западнаго регулярнаго государства, о которомъ мечталъ Петръ, гдѣ вся жизнь опредѣлена законами, дѣйствующими съ точностью часового механизма, и гдѣ все управленіе ведется государственными мѣстами, построенными на соборномъ началѣ, по твердымъ регламентамъ и уставамъ, послѣпетровская Россійская Имперія — восточная крѣпостная вотчина, съ барской усадьбой — императорскимъ дворцомъ — и хозяйской конторой — Сенатомъ и Совѣтами. вмѣсто господства закона — случай; вмѣсто соборныхъ государственныхъ мѣстъ — прихотливые и припадочные люди. «Сатурналіи деспотизма», — по выраженію Карамзина.

И, въ свѣтѣ эпохи, становятся ясными подлинныя очертанія и размѣры того происшествія, которое случилось въ началѣ этого періода, при восшествіи на престолъ императрицы Анны Іоанновны, и которое долгіе годы волно-

вало воображеніе свободолюбивыхъ рыцарей русскаго интеллигентскаго ордена. Для имперскихъ людей происшествіе съ кондіціями, предъявленными Аннѣ Іоанновнѣ, вмѣстѣ съ предложеніемъ трона, — коварная затѣйка кучки старыхъ бояръ, послѣднихъ отпрысковъ «зяблага упалого дерева», и никакихъ слѣдовъ въ ихъ сознаніи не оставило. Не такъ для интеллигентскаго ордена. Для ордена, какъ и для нѣкоторыхъ иностранцевъ-современниковъ, предъявленіе кондіцій — «великое событіе», первая попытка русскаго народа ввести въ Россіи западный представительный строй. На самомъ же дѣлѣ «событіе» происходило такъ. Въ ночь съ 18 на 19 января 1730 года умеръ императоръ-мальчикъ Петръ II, не оставивъ и не указавъ наслѣдника. Тотчасъ послѣ его смерти въ Лефортовскомъ дворцѣ собрался Верховный Тайный Совѣтъ вмѣстѣ съ нѣсколькими высшими военными чинами для обсужденія вопроса: какъ быть съ наслѣдованіемъ престола. Послѣ долгаго совѣщанія «съ немалымъ разгласіемъ» пришли къ рѣшенію: предложить престолъ герцогинѣ Курляндской Аннѣ Іоанновнѣ. Тогда самый вліятельный изъ верховниковъ кн. Димитрій Голицынъ — человекъ старыхъ московскихъ традицій и большого европейскаго образованія, — обратился къ присутствующимъ съ такою рѣчью: «Понеже кончиной Петра II мужское колѣно Петра Великаго пресѣклось, Россія же весьма много претерпѣла отъ самодержавной власти, ...то надлежитъ сію безмѣрную власть ограничить добрыми законами и не иначе подносить самодержавіе новой императрицѣ, какъ подъ извѣстными условіями». «Воля ваша, — говорилъ кн. Голицынъ — (выбирайте) кого изволите, только надобно намъ и себѣ полегчить». — «Какъ такъ себѣ полегчить?» — спросилъ канцлеръ Головкинъ. — «Такъ полегчить, чтобы воли себѣ прибавить», — отвѣтилъ кн. Голицынъ. — «Хоть и зачнемъ, да не удержимъ того», — сказала кн. В. Долгорукій. — «Право удержимъ», — говорилъ кн. Голицынъ, — «только надобно, написавъ, послать Ея Величеству пункты». Присутствовавшіе, послѣ нѣ котораго колебанія, согласились. Пункты были написаны и посланы Аннѣ Іоанновнѣ, вмѣстѣ съ предложеніемъ трона, въ великой тайнѣ. Въ пунктахъ было сказано: «Черезъ сіе наикрѣпчайше общаемся... Верховный Тайный Совѣтъ въ восьми персонахъ всегда содержать и безъ онаго Верховнаго Тайнаго совѣта согласія: ни съ кѣмъ войны не вчинять; мира не

заключать; вѣрныхъ нашихъ подданныхъ никакими новыми податями не отягощать; въ знатные и придворные чины не производить; вотчины и деревни не жаловать; у шляхетства живота, имѣній и чести не отнимать; государственные доходы въ расходъ не употреблять... А буде чего по сему обѣщанію не исполню и не додержу, то лишена буду короны Россійской». Получивъ предложеніе трона и пункты, Анна Іоанновна державу приняла, а на пунктахъ подписала: «По сему обѣщаю все безъ всякаго изъятія содержать. Анна». И торжественно тронулась въ столицу. — А, между тѣмъ, въ Москвѣ шло волненіе. Подлый народъ о пунктахъ ничего не зналъ и безмолвствовалъ. Но благородное шляхетство о пунктахъ слышало и громко негодовало. «Жалостное вездѣ по городу видѣніе стало и слышаніе, — рассказываетъ очевидецъ Феофанъ Прокоповичъ, — куда не придешь, къ какому собранію не пристанешь, не иное что было слышать, только горестныя нареканія на осмеричныхъ оныхъ затѣйщиковъ... И вездѣ, почитай, въ одну рѣчь говорено, что если по желанію оныхъ господъ сдѣлается, отъ чего бы сохранилъ Богъ, то крайнее всему отечеству настоятъ бѣдство». Что такъ волновало шляхетство? — Объ этомъ рассказываетъ въ своей запискѣ неизвѣстный авторъ: «Слышно здѣсь, что дѣлается или ужъ и сдѣлано — чтобы быть у насъ республикѣ. Я зѣло въ томъ сумнителенъ. Боже сохрани, чтобъ не сдѣлалось, вмѣсто одного самодержавнаго государя, десяти самовластныхъ и сильныхъ фамилій; и такъ мы, шляхетство, совсѣмъ пропадемъ и принуждены будемъ горше прежняго идолопоклонничать и милости у всѣхъ искать, да еще и сыскать будетъ трудно». О томъ же доносилъ своему двору польско-саксонскій посланникъ Лефортъ: «Новый образъ правленія, составленный вельможами, даетъ поводъ къ волненіямъ въ мелкомъ дворянствѣ; среди него слышатся подобнаго рода разговоры: знатные предполагаютъ ограничить деспотизмъ и самодержавіе; эта власть должна быть умѣрена совѣтомъ, который мало по малу захватитъ въ свои руки бразды правленія; кто же намъ поручится, что со временемъ, вмѣсто одного государя, не явится столько тирановъ, сколько членовъ въ совѣтѣ, и что они своими притѣсненіями не увеличатъ нашего рабства». Таково было настроеніе шляхетства. — Перваго февраля пришло въ Москву извѣщеніе Анны о принятіи ею престола и о подписаніи

пунктовъ. На второе было назначено собраніе высшихъ чиновъ Имперіи — Сената, Синода и Генералитета. На этомъ собраніи верховники прочли письмо Анны, въ которомъ императрица извѣщала, что, повинувась волѣ Божеской, она намѣрилась принять державу; а, понеже къ тому ея намѣренію потребны благіе совѣты, написала и подписала, какими способами она то правленіе вести хочетъ. А за тѣмъ были оглашены подписанные императрицей пункты. Наступило гробовое молчаніе. «Никого, почитай, кромѣ верховныхъ не было, — рассказываетъ Феофанъ о чтеніи пунктовъ, — кто бы, таковая слышавъ, не содрогнулся. А сами тѣ, которые вчера великой отъ сего собранія пользы надѣялись, опустили уши, какъ бѣдныя ослики; шептанія нѣкія во множествѣ ономъ прошумливали, а съ негодованіемъ откликнуться никто не посмѣлъ. И нельзя было не бояться, понеже въ полатѣ оной... многочинно стояло вооруженнаго воинства. И дивное было всѣхъ молчаніе!» Главный затѣйщикъ кн. Голицынъ пытался вызвать сочувствіе собравшихся и говорилъ: «Видите де, какъ милостива государыня. И какого мы отъ нея надѣялись, таковое она показала отечеству нашему благодарѣніе. Богъ ее подвигнулъ къ писанію сему: отсель счастливая и цвѣтущая Россія будетъ!» «Но понеже упорно всё молчали и только одинъ онъ кричалъ, нарекать сталъ: для чего никто ни единого слова не проговорить? Изволили бы сказать, кто что думаетъ, хотя и нѣтъ де ничего другого говорить, только благодарить толь милосердой государынѣ». О томъ, что присутствующіе думали, никто сказать не рѣшился. Только одинъ робко промолвилъ: «Не вѣдаю, да и весьма чуждуся, отчего на мысль пришло государынѣ такъ писать!» Да еще кн. Черкасскій спросилъ: «Какимъ образомъ впредь то правленіе быть имѣеть?» Верховники видѣли, что собраніе враждебно относится къ ихъ затѣйкѣ, — ввести «новый царствованія порядокъ», — и имѣли основаніе думать, что такъ же относится къ ней и остальное шляхетство — въ особенности, гвардія; а потому пошли на уступки. Въ отвѣтъ на вопросъ Черкаскаго кн. Голицынъ предложилъ собранію обсудить и представить свое мнѣніе о формѣ правленія на другой день въ Верховный Тайный Совѣтъ. На этомъ собраніи и покончили. Но съ этого дня шляхетство уже больше не скрывало своего несогласія съ верховниками. Оно тайно и явно собиралось «компаніями», чтобы «со-

чинять форму правленія государственнаго». И каждая компанія вносила свое мнѣніе въ Верховный Тайный Совѣтъ. Пришлось выработать свое мнѣніе и самимъ верховникамъ.

Чего хотѣли верховники? — По существу, того же, чего хотѣли всѣ имперскіе люди того времени: самодержавія полнаго и неограниченнаго. Но они хотѣли самодержавія исконнаго, московскаго — по старинѣ и пошлинѣ, — со строгимъ чиномъ государственной жизни и управленія, съ боярской честью и съ «думнымъ сидѣніемъ», гдѣ государь вершитъ свое великое государево дѣло, «поговоря съ бояры». Имъ ненавистно было царившее въ ихъ время самовластіе, гдѣ чинъ жизни и боярская честь были смяты ненужной новизной, гдѣ люди великородные и фамильные должны были унижаться передъ низкими и худыми, гдѣ временщики и выскочки вершили всѣ государственныя дѣла. Верховники хотѣли совсѣмъ не новаго, а стараго, смотрѣли не впередъ — въ Европу, а назадъ — въ Москву. И, если свои старые московскія боярскіе замахи они облекали въ новыя европейскія конституціонныя одежды, то дѣлали это потому, что во главѣ ихъ стоялъ мужъ большой западной учености, и еще потому, что въ ихъ время все, что дѣлалось въ государствѣ, дѣлалось съ манеру чужестраннаго — польскаго, шведскаго или нѣмецкаго. По существу же, правъ былъ Феофанъ Прокоповичъ, когда онъ говорилъ о верховникахъ: «Они не думали вводить народное владѣтельство..., но всю владѣнія крайнюю силу осьмичленному своему совѣту учреждали; который владѣнія образъ... не можетъ нарѣщись владѣтельствомъ избранныхъ, гречески аристократія; но развѣ... тиранство или насильство, которое олигархія у Еллиновъ именуется».

Чего хотѣло благородное шляхетство? — Того же, чего хотѣли и верховники, и всѣ имперскіе люди — полнаго и неограниченнаго самодержавія. Сочиняя форму правленія государственнаго и ища образцовъ для него въ западныхъ конституціонныхъ странахъ, оно, вмѣстѣ съ тѣмъ искренне полагало: «Колико самовластіе у насъ всѣхъ прочихъ полезнѣе, а прочія опасны». Вождь и теоретикъ его консервативной части Феофанъ Прокоповичъ писалъ: «Русскій народъ таковъ есть отъ природы своей, что только самодержавнымъ владѣтельствомъ хранимъ быть можетъ. А если таковое нибудь иное владѣнія правило воспріиметь, содержаться ему въ цѣлости и благосостояніи невозможно». Но то же самое писалъ въ своемъ завѣща-

ни сыну и вождь конституціонной «компаніи» Татищевъ: «Власть и честь государя до послѣдней капли крови защищай, а съ хвалящими вольности другихъ государствъ и ищущими власть монарха уменьшить никогда не согласуй, понеже оное государству крайнюю бѣду нанести можетъ». Если, тѣмъ не менѣе, многіе изъ шляхетства подписывали различныя мѣнія, въ которыхъ утверждались права «общенародія» и учреждались, рядомъ съ монархомъ, вышнія и нижнія «правительства», то дѣлали они это не столько изъ желанія ограничить самодержавную власть, сколько изъ стремленія оградить себя отъ тирании Верховнаго Совѣта. По существу же, шляхетство плохо разбиралось въ формахъ государственнаго правленія. Правъ былъ англійскій резидентъ Рондо, когда доносилъ о немъ своему правительству: «Привыкнувъ слѣпо повиноваться волѣ самодержавнаго монарха, всѣ эти дворяне не имѣютъ яснаго представленія объ ограниченномъ правленіи».

И этому политическому невѣжеству шляхетства не надо удивляться. Ибо, что такое благородное шляхетство того времени? — Тѣ же служилые люди Московскаго царства. Не прошло и четверти вѣка съ того времени, какъ Петръ передѣлалъ московскихъ служилыхъ людей въ нѣмецкое платье и сбрилъ имъ бороды — «преобразовалъ россиянь изъ бородатыхъ въ гладкіе, изъ долгополыхъ въ короткополые». И еще меньше времени прошло съ тѣхъ поръ, какъ онъ далъ имъ — съ манеру польскаго — наименованіе «шляхетство». Даже платье и имя за эти короткіе годы не успѣли крѣпко къ нимъ пристать: возвращаясь въ свои помѣстья, служилые люди охотно смѣняли нѣмецкое платье на русскіе кафтаны и отпускали бороды; а шляхетское наименованіе частенько уступало мѣсто «всепокорнѣйшимъ рабамъ». Помимо же имени и платья, все остальное осталось по старому. Какъ московскіе служилые люди, такъ и шляхтичи: неподвижно стоятъ въ государевомъ крѣпостномъ уставѣ и по смерти государю крѣпки. Какъ московскіе служилые люди, такъ и шляхтичи: всю жизнь служатъ государевы службы и, если получаютъ абшидь, то за дряхлостью и увѣчьемъ. Какъ московскіе служилые люди, такъ и шляхтичи: являются на смотры и разборы, а за нѣтство бывають биты кнутомъ и лишаются имѣній. Помимо имени и платья, Европа прибавила одно: учебу. Но и учеба обернулась московской сто-

роной: прибавкой битья. За уклонение отъ науки и за плохое ученье служилыхъ людей — шляхтичей тоже — били батогами и истязали кошками. Такъ же, какъ за платье и бороды: «Иванъ Даниловъ сынъ Наумовъ, — записываетъ въ своемъ дневникѣ 1704 года Желябужскій, — бить батогои нещадно за то, что у него борода и усы не выбриты». Гдѣ же было шляхтичамъ одолѣть за это время и западную политическую науку? У имперскихъ шляхтичей, такъ же, какъ у московскихъ служилыхъ людей, были свои политическіе «замахи». Но такъ же, какъ у московскихъ служилыхъ людей, они сводились къ одному: стремленію облегчить службу и укрѣпить государево жалованіе — крестьянъ и помѣстья. Только ждали этихъ милостей шляхтичи такъ же, какъ и московскіе служилые люди, не отъ конституціи, а отъ самодержавнаго монарха.

15 февраля новая императрица торжественно вступила въ Москву. Присяга прошла благополучно. Присягали государынѣ и отечеству — объ ограничительныхъ пунктахъ не было упомянуто ни словомъ. Фельдмаршалъ кн. Василій Долгорукій пытался было предлагать Преображенскому полку присягнуть царицѣ и Верховному Тайному Совѣту, но гвардейцы отвѣтили, что переломають ему ноги, если онъ еще разъ явится къ нимъ съ такимъ предложеніемъ. Между тѣмъ, волненіе въ столицѣ не улеглось. Шляхетскія компаніи вырабатывали свои мнѣнія и формѣ правленія, подавали ихъ въ Верховный Совѣтъ и одновременно вели тайную интригу противъ верховниковъ съ государыней. 25 числа событія приняли рѣшительный оборотъ. Наканунъ шляхетскія компаніи выработали согласительную челобитную государынѣ. Эта челобитная и была представлена въ этотъ день императрицѣ во дворцѣ шляхетскими делегаціями въ составѣ нѣсколькихъ сотъ человекъ. Въ челобитной было сказано: что Е. И. В., по своей высокой милости къ Государству, изволила подписать пункты, предложенные ей Верховнымъ Совѣтомъ, за что челобитчики приносятъ ей рабскую благодарность; но что въ пунктахъ есть нѣкоторыя сумнительства, вызывающія въ народѣ страхъ предбудущаго безпокойства; что челобитчики обсудили и выработали различные проекты безопасной формы правленія государственнаго; зная природное челолюбіе императрицы, челобитчики просятъ соизволить собраться всему генералитету и шляхетству, по одному или по двѣ персоны отъ каждой фамиліи,

для разсмотрѣнія этихъ проектовъ и сочиненія формы правленія государственнаго общими согласными мнѣнiями. Послѣ минутнаго колебанiя, Анна подписала на челобитной: «ученить по сему» и предложила челобитчикамъ обсудить ихъ проекты въ сосѣдномъ покоѣ. Челобитчики удалились для совѣщанiя. Тогда оставшiеся въ аудiенцъ-залѣ гвардейцы стали кричать: «Не хотимъ, чтобы государынѣ предписывались законы, — она должна быть такой же самодержицей, какъ были всѣ прежнiе государи». Анна стала ихъ унижать. Но гвардейцы бросились на колѣни съ крикомъ: «Государыня, мы вѣрные подданные Вашего Величества; ..но мы не можемъ терпѣть, чтобы Васъ притѣсняли. Прикажите, Государыня, и мы принесемъ къ Вашимъ ногамъ головы Вашихъ злодѣевъ». Послѣ обѣда шляхтичи кончили свое совѣщанiе и обратились къ государынѣ съ новой челобитной. Въ челобитной они писали: «Всеподданнѣйше приносимъ и всепокорно просимъ всемилостивѣйше принять самодержавство таково, каково Ваши славные и достохвальныя предки имѣли, а присланные къ Вашему Императорскому Величеству отъ Верховнаго Совѣта пункты уничтожить... Мы Вашего Императорскаго Величества всепокорнѣйшiе рабы надѣемся, что..., по природному Величества Вашего благоутробiю, презрѣнны не будемъ, но во всякомъ благополучiи и довольствѣ тихо и безопасно житiе свое препроводять имѣемъ. Февраля 25, 1730 года». Государыня притворилась удивленною: «Какъ, — сказала она, — развѣ пункты, которые мнѣ поднесли въ Митавѣ, были составлены не по желанiю цѣлаго народа?». — «Нѣтъ», — отвѣчали собравшiеся. «Такъ, значитъ, ты меня, кн. Василій Лукичъ, обманулъ!» — сказала Анна Долгорукому. Затѣмъ она приказала принести ей пункты, «и тѣ пункты, — какъ сказано въ журналѣ Верховнаго Тайнаго Совѣта этого дня, — Ея Величество при всемъ народѣ изволила, принявъ, разодрать». И учинилась въ суверенствѣ. Такъ кончилась краткая имперская конституционная эра. «Россiйская Имперiя, — писалъ Ключевскiй, — не стала сестрицею Швеции и Польшѣ», какъ мечталъ объ этомъ совѣтникъ Петра и верховниковъ голштинскiй камералистъ Фикъ. Какъ Московское царство и петровская имперiя, такъ и Россiя послѣ Петра — родная сестра восточныхъ теократiй Персiи и Турци.

И. Бунаковъ.